

Сергей САКАНСКИЙ

АМАМУТЯ

Роман



Путь
огненного
бога

Сергей Юрьевич Саканский

Амамутя. Путь огненного бога

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8482607
2014

Аннотация

Когда московский бизнесмен получил приглашение на литературный вечер, он и представить себе не мог, что с этого момента вся его жизнь круто изменится. Увлеченный любовью к молодой поэтессе, он отправится с нею в далекое путешествие на поиски древних реликвий, но в итоге разгадает самую главную, самую страшную тайну мироздания. Конец света, ожидавшийся в 2012-м году, так и не состоялся, но древний дух огня предлагает взамен нечто более ужасное для всех жителей Земли.

Содержание

Этот пленительный образ тайны	4
«Пламенные змеи»	7
Первое свидание	11
Что особенного в собачьей кличке?	19
Маленький фокус операции «Джинс»	24
«Девушка моей мечты»	30
Можно ли дотронуться до тайны рукой?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Саканский

Амамутя

Роман

Страсть взрослых людей к поджогам, считают психологи, это пробуждение первобытного инстинкта, с которым не может справиться тот, кто болен или тот, кто не сформировал свой интеллект.

Из ученой статьи

Все огни – огонь...

Из Хулио Кортасара

Этот пленительный образ тайны

Все началось с приглашения на поэтический вечер. Иван и представить себе не мог, что это официальное письмо станет своего рода билетом в дальнейшее путешествие, а также пропуском в другой мир, который вплавлен в видимую реальность, как фитиль в тело свечи.

Он хотел было удалить это приглашение, как и многие другие, что обычно рассылаются тем, кого можно пощипать за финансы, но его заинтересовала девушка, приславшая письмо.

Иван прогуглил ее имя – Делла Сирота, поэтесса (псевдоним, конечно) и обнаружил другие ее фотографии, а также стихи.

Она не была красавицей в общепринятом смысле, но ему понравилась очень, он даже поймал себя на том, что вздрагивает, когда смотрит на нее, и хочется ему поспешно ответить взгляд, словно в глаза плеснул дальний свет ксеноновых фар.

В объявленный день сел в машину и поехал. Творческий вечер проходил в Чеховской библиотеке. Пожилой ведущий производил впечатление идиота, сладким голосом рассуждая о звездах и огне, горящим внутри них, ядерных реакциях, таинственным образом влияющих на психику человека, тайных знаках, которые образуют созвездия в небесах...

Девушка была стройной, хрупкой, казалось, что она может в любой момент сломаться и ссыпаться, превратившись в грудку кукольных обломков, накрытых длинной бордовой юбкой с косыми полосами бахромы. Трогательная, бедно одетая, вызывающая сострадание поэтессочка.

Иван не понимал ее стихов. Он не был профаном в искусстве, эдакой тупой машиной, крутой скороваркой бабла, как многие его собратья по несчастью: любил живопись, хорошо знал архитектуру, только вот к поэзии был равнодушен... Что он делает здесь, среди длинноволосых, курящих, с лентами седины женщин, молодых людей, бородатых, хвостатых, как худых, так и довольно упитанных, слушающих,

как эти средних лет дамы забалтываются на крыльце, поводя тонкими сигаретами? И девушка уже не казалась такой привлекательной. Иван встал, пробормотал извинения, двинулся по проходу к двери... И внезапно услышал за спиной:

– А теперь я прочту стихи на языке угреш. Без перевода.

Иван вздрогнул, обернулся. Девушка на сцене смотрела прямо ему в глаза. Подняла, протянула в его сторону руку, явно повелевая сесть, хотя для аудитории этот жест читался как элемент поэтического действия. Иван опустил на ближайший стул. По залу, имеющим на редкость плохую акустику, полилась искаженная мелодия речи, причудливых слов, которых Иван не слышал уже много лет.

Выходит, что она – угреша? – думал он. – Одна из немногих оставшихся. И пригласила его на этот вечер вовсе не для того, чтобы пожить благодетельностью...

Слова, которые она произносила нараспев, лишь частично были понятны ему. «Трасэпата ната лор каранар... Лор каранар», – повторяла Делла Сирота в конце каждого четверостишья, что заставляло Ивана содрогаться. И дело было вовсе не в том, что полузабытая родная речь тоской и болью отзывалась в нем, а в самих стихах, которые читала Делла. Вот что значили эти маниакально повторявшиеся слова:

«Пламенные змеи уходят в небеса... Пламенные змеи».

«Пламенные змеи»

Его настоящее имя, данное ему на седьмой день после рождения, как того требовал обычай предков, было Ивогнуарад, что на языке угреш означало: *Бурю На Рассвете Читаящий*. Разумеется, все его звали ближайшим русским аналогом, что уже было обычаем чисто советским – и в паспорте значился Иван, и национальность проставлена – русский, чтобы не портить его жизнь бесконечным повторением вопроса: кто такие угреш и как они связаны с Николо-Угрешским монастырем?

Впрочем, Иван и сам не знал – как. Он был круглым сиротой, спросить не у кого: после пожара его взяли на воспитание деревенские соседи. Люди добрые, но чужие – пожилая чета, страдавшая недугом, который рано свел их в могилу. Сестра приемной матери привезла его к себе в Москву. Тут Иван и вступил в сознательную жизнь, тут и укоренился. О своей принадлежности к некоему исчезающему народу он, конечно, помнил, но корни были давно обрублены, благодаря двойной пересадке. Деревня на берегу Волги, где он родился, была затоплена Саратовским водохранилищем, жители переселены. Найти их, конечно, не составило бы труда. Только вот зачем? Разузнать свою родословную у стариков, бывших односельчан, он вряд ли бы смог, да и не испытывал особого желания. Язык, которому в детстве учила

его мать, он уже почти забыл, не имея никакой практики, но сейчас, услышав его певучие ритмы, извлек с самого дна памяти, поднял настолько, чтобы понять обрывки стихов.

Слова молодой поэтессы так потрясли его, что на какой-то момент сознание померкло, и Иван, сидя в зале, будто бы перенесся в затопленный мир и снова увидел огненного червя. Именно червя, а не змею, как назвала его Делла, поэтесса, которая пыталась во всем найти красоту и тайну.

Те часы были самым страшным воспоминанием детства, да и вообще – самым страшным впечатлением в его жизни. Вот он смотрит на мать, с блеском в глазах лежащую на высокой кровати, блестят также и шишечки этой большой кровати, потому что на улице светло и солнечно. Иван хватает с синего кухонного стола спички и бежит во двор. Ключ торчит в двери дома, так как дом всегда принято запиравать, если они вдвоем идут в магазин или в гости, потому что в деревне бывают цыгане. Иван зачем-то запирает дверь на ключ, хотя в доме остается больная мать.

Все это он видел, словно какое-то кино: мальчика, который кувыркается в сене на сеновале, а потом чиркает спичкой и смотрит, как расширяется под рукой круг пламени...

Сеновал загорелся быстро, пожар перекинулся на дом, соседи прибежали с ведрами и лопатами, цыганенок пытался полезть в огонь, но его удержали, мать плакала и кричала внутри, но вдруг затихла, помолчала, коротко всхлипнула и умолкла навсегда... И вот, в тот момент, когда крыша дома

рухнула, из горящего месива вылез длинный огненный червяк. Он поднялся над пожарищем, оторвался от пламени и медленно улетел в небо.

Позже один специалист объяснил ему, что это было редкое, но хорошо известное явление – огненный смерч, торнадо. Просто ветер порой закручивает огонь так же, как листья или пыль.

– Торнадо – обычная вещь при возгорании некрупных объектов, – уверял его пожарный. – Возникает внезапно, существует секунды. Есть опасность залюбоваться его красотой. По этой причине происходят несчастные случаи.

Вроде бы, все разъяснилось, но воспоминание детства не перестало быть страшным. Когда он стоял подле горящего дома и появился огненный червяк, он не мог отвязаться от образа: ему показалось, что чудовище на секунду замерло и склонилось над ним, будто рассматривая его.

Это было старое, сморщенное лицо. Старик или старуха, он не успел рассмотреть, страшное очень, но было в этом образе и что-то знакомое, необъяснимо притягательное...

Взгляд огненного червя, преисполненный ужаса и тоски, Иван запомнил навсегда. Он боялся его, чудовище снилось ему, как и вообще – огонь, пожары, безвыходные дымные коридоры... Он прекрасно понимал, что боялся лишь собственного страха, что огненное лицо лишь пригрезилось ему, а был на самом деле торнадо – редкое, но понятное природное явление. До самого сегодняшнего момента, до тех

пор, пока поэтесса, стоящая на сцене, не повторила несколько раз подряд «лор каранар» – пламенные змеи.

Первое свидание

Это была не главная причина, по которой ему очень захотелось продолжить общение с Деллой Сиротой, но все же, даже если ничего не получится, он хотел бы знать... Иван подождал на крылечке библиотеки, пока героиня литературного вечера не вышла на улицу.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал он.

Девушка остановилась, с вопросом заглянула ему в глаза.

– Одно ваше стихотворение, – продолжал он, – мне не то чтобы понравилось, но вызвало какое-то странное чувство...

Мне трудно это объяснить.

– А вы попробуйте, – улыбнулась Делла.

– Что вы имели в виду, упоминая о пламенных змеях?

Ему показалось, что вопрос поэтессу смутил.

– Это метафора, – сказала она. – Знаете, что такое метафора?

– Знаю. Мне непонятен сам смысл стихотворения.

– В стихах может и не быть смысла. Просто музыка.

– Но пламенные змеи... Этот образ как-то связан с мифологией?

– Нет. Просто с ночным кошмаром.

– Это вам снилось?

– Да. А почему вы спрашиваете?

Теперь смутился Иван.

– Я видел такую картину.

– Интересно, где?

– На пожаре. Это такой огненный вихрь. Был пожар на судоверфи, приезжала команда, – Иван заговорил увереннее, потому что уже ни о чем не умалчивал. – Один из пожарных мне рассказал, что такое явление...

Он заговорил о торнадо, смерчах, рисуя руками в воздухе круги. Компания Деллы стояла тесной группой поодаль – хвостатые молодые люди и седовласые женщины. Девушка, хоть и слушала его внимательно, но все же дважды оглянулась на них. У Ивана возникла дерзкая идея.

– Моя машина за углом, – сказал он. – Могу вас подвезти.

– Это было бы замечательно! – воскликнула Делла, опять оглянувшись. – Я только скажу своим друзьям.

Честно говоря, Иван не предполагал такого развития событий: он был уверен в ее отказе и уже нащупывал в кармане визитку, с горечью думая, что выбросит она в урну этот клочок бумаги и не позвонит никогда.

В итоге вышел вечер, каких давно не было в его жизни. По пути он уговорил ее заехать в ресторан. Это было одно из любимых его мест: широкая терраса, нависающая над рекой так, что набережная с потоком автомобилей была невидима за перилами и, учитывая нарочито мореманский интерьер, казалось, что посетители – не питающиеся тут москвичи и гости столицы, а пассажиры какого-то крупного лайнера, почему-то идущего меж каменных берегов подпруженной ре-

ки, словно вдоль норвежского фьорда.

Если Делла и скрывала свое удивление непривычной роскошью, то это у нее получалось мастерски. Она мало ела и пила, не смотрела по сторонам, часто курила длинные коричневые сигариллы. Ивану пришла в голову шальная мысль: неужто он понравился девушке, при том, что они были из совершенно разных кругов, при том, что он был лет на двадцать старше ее.

Несмотря на большую дифференцию в интересах, разговор не прерывался: едва чувствуя напряжение, Иван легко сворачивал на тему угрешей, загадки исчезающего народа и черты национального характера.

– А ведь вы тоже окаете, как и я! – вдруг сказала Делла, всплеснув руками.

– Разве? – смутился Иван.

– Слышно не очень, но я чувствую как профессионал-филолог.

– Ладно, я окаю, потому что я с Волги. Но вы-то почему?

– Потому что я тоже с Волги.

Делла родилась в Горьковской области, жила неподалеку от реки, возле моста. Иван прикинул, сколько времени движется капля воды от Нижнего до Саратова, где лежала его затопленная деревня, у него защемило сердце – от мысли, что эта девушка никогда не разделит с ним его одиночество... Он представить не мог, насколько ошибочной была эта мысль.

Уже через несколько минут Делла огорошила его. Этому повороту предшествовала шутливая перепалка. Иван заметил, что Делла не притронулась к черной икре и придвинул ей плоску с уложенными по краям кубиками масла.

– Нет, не хочу, – сказала она, отодвинув плоску. – Не люблю черное.

– Может быть, тогда красную? – спросил Иван, оглянувшись на стойку, где официант беседовал с барменом.

– Красное вообще-то люблю. Но сейчас тоже не хочется...

– Похоже, вам сегодня вообще не хочется есть, – заметил Иван, глядя, как мимо веранды ресторана проходит шестидесятиместный прогулочный катер, явно арендованный для корпоративной вечеринки.

– Не хочется, – вздохнула Делла, также рассматривая пассажиров на палубе, тыкающих пальцами по сторонам.

– Может, прокатить вас по реке?

– Откуда и куда? – засмеялась Делла.

– До Северного порта и обратно, от шлюза к шлюзу.

– Не знаю. Я бы хотела совершить более дальнее путешествие.

– Путешествие просто так? За границу? – Иван вдруг подумал: а не предложить ли ей какой-нибудь тур, так, в шутку, авось согласится...

– Ну, уж нет! – решительно возразила Делла. – Экзотика меня не привлекает. А вот, например, по реке – и вправду да. Только не по этой маленькой.

– По большой реке? – спросил Иван.

– Да, самой большой.

– Самый большой в мире – Нил.

– Это далеко.

– А тут, совсем рукой подать – крупнейшая река Европы.

– Волга!

– Точно!

– Хочу поплыть по Волге...

– Не поплыть, а пойти, так принято говорить, – тихо поправил ее Иван и в тот же момент почувствовал, как заколотилось его сердце.

Путешествие по Волге! Это как раз то, что он с легкостью может ей обеспечить, причем, в таких обстоятельствах, о которых можно только мечтать. Не ржавый круизный пароход с пьяными круизменами и орущими детьми. Не принудительные экскурсии по гладко выметенным полам кремлей. Не общественная кормежка в судовой столовке с промышленной вонью и неизбежной изжогой.

Это будет волшебное путешествие на маломерном судне с двумя уютными каютами, где они будут спать, сначала, конечно, отдельно, с просторным кокпитом, где девчонка будет лениво загорать, а он, сидя за штурвалом, любоваться ею через зеркало заднего вида, уютной рубкой, она же кают-компания, она же камбуз, где они будут сидеть за вечерним чаем или вином, пока не разойдутся по своим койкам или же не лягут в одну... Причем, для этого, можно даже ска-

зять, свадебного путешествия, фантазировал Иван, она сама выберет судно, потому что их, маломерных речных судов и моторно-парусных яхт с неограниченным районом плавания, было у Ивана несколько, правда, готовых к немедленной эксплуатации – сейчас только два.

Все эти мысли вихрем пронесли в его голове, пока они оба наблюдали за проходом катера, чей нос резал струи разноцветных огней на воде.

– Хотите, предложу вам такое путешествие, хоть даже завтра?

– Неужели?

– Я владею небольшой судовой флотией. Мы строим катера, яхты, моторные лодки...

– Надо же! Тогда вы – настоящий капиталист.

– Странно звучит это слово, но полагаю, что да.

– И много у вас рабочих в эксплуатации?

– Да штук двенадцать постоянных и штук... Не соображу сейчас, сколько привлекаю временных.

– Штук? Вы говорите – штук?! – глаза девушки сверкнули, она рывком отодвинула от себя тарелку.

Иван пожал плечами:

– Просто решил подыграть вам, так как вы обозвали меня капиталистом. Конечно, все эти ребята, многие из них – мои старые друзья. Я хозяин предприятия, но не враг трудового народа.

Он водворил тарелку с семгой и зеленью на место.

– Я не потому тут швыряюсь тарелками... – примирительно сказала Делла. – Просто я уже основательно наелась с непривычки.

Иван молчал. Коммунистка она, что ли? Сидит тут и ненавидит его в глаза.

– Я поняла, что вы шутите, чтобы проучить меня. Тоже захотелось вам подыграть, – она засмеялась, показав крупные ровные зубы.

Все-таки красавица. Нельзя ее терять по такому пустяку.

– Я, между прочим, часто работаю вместе со всеми, – сказал Иван. – Когда приходится подменять кого-то или нагонять график.

– В этом костюме?

– Точно. Выворачиваю его наизнанку, как комиссар Жюв. Я свое дело начал с нуля. Просто построил своими руками лодку и продал ее. На вырученные деньги взял первого рабочего. Вдвоем мы построили еще несколько лодок. Прибыль дала оборот средств, я арендовал у яхт-клуба причал. Так, со временем, мое дело выросло. Это не очень-то и важно, что один из нас владеет оборудованием...

– Но вы получаете прибыль, деньги, гораздо большие, чем рабочие.

– Это просто зарплата капиталиста. Она и должна быть больше.

– Давайте сменим тему? – Делла вздохнула с оттенком безнадежности. – Вы упомянули какого-то комиссара, я не

поняла...

– Комиссар Жюв... – начал было Иван, но замолчал, представив, что ей надо будет рассказывать чуть ли не весь фильм.

Он подумал, что эта молодая девушка выросла в совсем другом культурном течении и веселить ее шутками из старых добрых «Фантомасов» не стоит.

Он сказал, перебив сам себя:

– Мы, кажется, планировали путешествие.

– А вы это серьезно?

– Да. Я давно подумывал об отпуске. У меня два судна на ходу. Я пришлю вам фото. И давайте перейдем на ты.

– Согласна!

Что особенного в собачьей кличке?

Теперь, когда Делла на самом деле захотела поехать с ним, она казалась ему самой красивой девушкой на свете, поскольку была уже тронута каким-то туманным отблеском собственности. Неожиданно они оба загорелись энтузиазмом: с того момента, как прозвучало предложение, говорили только о путешествии. Делла сказала, что это будет не просто круиз, а научная экспедиция, потому что она давно хочет заняться историей своего народа.

– Много ли народу мы найдем в этой экспедиции? – с иронией спросил Иван, зная, какое уединение предполагает река.

– Ты разве не в курсе, что угреши живут исключительно по берегам Волги?

– Разве?

– Ты в самом деле не знал? – с удивлением спросила Делла. – Ты с Волги и я с Волги. Все угреши живут на Волге.

– Странно, – пробормотал Иван.

Делла помолчала. Затем спросила, как ему показалось, с осторожностью:

– Может быть, ты и про Амамутю не слыхивал?

– Слыхивал. Мать рассказывала сказки на ночь.

– Это не сказки.

– Легенды, былины... Как их еще назвать? О подвигах и

приключениях Амамути, древнего богатыря.

– Амамутя не богатырь.

– А кто же? Помню, он сражался с огромной рыбой, и рыба проглотила его, а он...

– Вышел на берег, сияя светом, – перебила Делла, – и рыбий хвост волочился за ним, словно след небесной кометы. Амамутя победил рыбу изнутри. Я давно изучаю мифологию народа угреш. Вообще-то Амамутя не герой сказаний, а бог. Создатель всего сущего на земле.

Иван не удержался от улыбки.

– С таким же успехом ты могла бы сказать, что Илья Муромец бог или там Робин Гуд.

– Да при чем тут они?

– Тоже герои народных легенд.

Делла насупилась.

– Ладно, закроем пока тему.

Иван решил больше не дразнить девушку, будто уже подсеченную, но пока что готовую сорваться. Нет, здесь надо использовать очень крепкий сачок.

Он отвез ее домой уже глубокой ночью. Делла жила на исходе проспекта Мира, недалеко от Яузы, где речка уже была ручьем, часто терявшимся в трубах. В машине ему наконец удалось удивить ее – не самой машиной, а ее способностью прорезать город за считанные минуты.

– Надо же! Только что проехали ВВЦ и уже дома, – с радостью заметила она, слишком привыкшая к неторопливо-

сти общественного транспорта.

Вернувшись домой, он послал ей мейлом фото двух своих судов, готовых к немедленному отбытию. Среди ночи он вдруг проснулся, будто от толчка. Какое-то время не мог понять, дома ли он или уже на борту, так как казалось, что его разбудила внезапная волна.

«Пламенные змеи уходят в небеса...» Образ из сна поэтессы. У него не было времени обдумать это раньше, поскольку его слишком захлестнули эмоции. Но ведь такого просто не может быть – что за странное совпадение?

Конечно, он не мог рассказать едва знакомой девушке о том, что сжег собственную мать. Да и вообще, он ни с кем в жизни не делился этим. За последние часы Иван во второй раз явственно увидел тот далекий день из детства, хотя обычно подавлял в себе воспоминания о пожаре. Иногда ему казалось, что в страшном огненном лице он именно ее и увидел, свою мать... То есть, если бы он верил во всякое нематериальное, то само собой бы решил, что в образе огненного червя отошла на небо ее душа.

И еще одна тайна была в его судьбе. Отец также погиб при пожаре, но это произошло гораздо раньше. Обстоятельства пожара не были ему известны, но трудно представить какое-то произвольное совпадение. Много позже Иван узнал, что он просто-напросто болен, и болезнь его называется – *пиромания*. Возможно, это наследственная болезнь, и пожар, в котором погиб отец, не был случайным. Отец также совер-

шил поджог и сам погиб на пожарище за несколько недель до рождения Ивана.

Думая обо всем этом, Иван заснул, и снилась ему, как это бывало чаще всего, река (так грибникам снятся грибы, а лыжникам – лыжня), а наутро от Деллы пришел ответ: ей больше понравился швертбот «Джинс».

Иван позвонил ей.

– «Чоппер» вместительный и комфортный, на нем есть даже сауна, – сказал он. – Не говоря об элементарном душе и прочих удобствах.

– Как? Разве на «Джинсе» нет душа и туалета?

– Есть, конечно, галльон. Туалет, как ты его называешь. А вот душ – только в кокпите.

– Что такое кокпит?

– Это такой вырез в палубе. Словом, открытая часть судна, вроде терраски в доме. Можно натянуть над ним тент. Плещешься, сколько угодно. Помпа качает забортную воду. Есть еще мобильная баня. Это просто палатка с печкой, ее ставят на берегу. Самая настоящая баня. Словом, «Джинс» – туристское судно, а «Чоппер» – круизное.

– Все ясно. Я выбираю «Джинс». Я туристка, а не круизер. А еще я хочу взять свою собаку.

Иван нахмурился:

– Какую собаку?

– Так! – зловеще прошептала Делла. – Как я поняла по твоему тону, собак ты терпеть не можешь.

– Напротив! – выразил смягчение Иван. – Я интересовался ее породой.

– Водолаз, конечно! Я ж давно мечтала совершить путешествие по реке. Черный такой, мохнатый. Зовут – Барабан.

Что-то особенное было связано с псом, носящим такое веселое имя, Иван определенно слышал какую-то историю, где фигурировал именно пес Барабан.

Маленький фокус операции «Джинс»

Иван владел небольшой мастерской, строящей маломерные суда из пластика и стеклоцемента – гребные и моторные лодки, катера и парусники.

Руденко, его заместитель по должности, но компаньон по сути, отнесся к намерению генерального отъехать на неопределенный срок с нескрываемым скептицизмом.

Иван вошел под дебаркадер верфи, где главным объектом была двенадцатиметровая яхта «Лаура» – довольно срочный заказ банкира из Ялты. Это судно стояло в работе уже несколько недель и было для Ивана символом успеха: ведь крымский бизнесмен мог выбрать любое из предприятий России, где цены были значительно ниже московских, но все же он решил строиться здесь, а это говорило о бесспорном авторитете именно этих мастеров.

Один из них, увидев Ивана, спрыгнул с лесов и подошел. И Руденко, и сам Иван никогда не брезговали работой руками, особенно в ситуации аврала.

Они пошли вдоль ряда «Джинсов» и «Чопперов» на разной стадии готовности и заговорили, отойдя достаточно от яхты, на которой висели двое рабочих.

– Не самый лучший момент, чтобы нас оставить, – начал

Руденко.

– Любой момент – не самый лучший, – сказал Иван. – Ты разве помнишь время, когда на верфи не было аврала?

– Помню, – сказал Руденко. – Когда и верфи-то не было.

Это был намек на то, что когда-то они были друзьями, встречались часто, говорили обо всем на свете, а не только о работе, как последние семнадцать лет жизни, с тех пор, как появилась верфь и Иван пригласил друга в свой бизнес.

– К тому же, я не совсем бросаю работу, – напомнил Иван.

– Ну, понятно, будешь руководить имейлом, эсэмэсом, душевными беседами... – съязвил Руденко.

– Не только, – спокойно ответил Иван. – Помнишь заказчика из Астрахани?

– Ламбовского-то? Как не помнить!

И вправду: хлопотный был покупатель – пожелал, чтобы ему доставили судно точно к началу навигации, прямо на дом, на междугороднем трейлере.

– Я вот что придумал. Сейчас же даем объявления в волжские ресурсы от Казани до Астрахани. Выставляем модель на продажу. Я меж тем иду на ней вниз по реке. Если где-то на пути будет поклевка, то и толкну товар немедленно.

– Офигеть! – воскликнул Руденко. – Для заказчика это будет выглядеть так, будто судно доставили ему на блюдечке. И невдомек ему, что гендиректор фирмы просто решил прокатиться по великой русской реке с девушкой.

Они молча прошли мимо секции легких пластмассовых

лодок, где двое ребят клали стеклоткань на болванку. Болванкой служила готовая отшлифованная лодка: это ноу-хау Иван придумал недавно. Лодки получались чуть разных размеров, что создавало нюансы ассортимента, во-первых и позволяло экономить место на складе, помещая скорлупу в скорлупу, во-вторых.

– Я привык решать несколько задач одновременно, – сказал Иван, когда они вышли через ворота к причалу. – Так что, займись рекламой прямо сейчас. Да не смотри на меня, как на шизоида. Разумеется, катер немного потрется в дороге. Ну, заведу его в ближайший клуб для косметического ремонта. И ты прав: за доставку можно будет и цену набить.

Перед ними, по разные грани причала стояли оба судна – черный с белым высокий «Чоппер» и желто-синий «Джинс». Они чуть покачивались на волне от только что прошедшего мимо мощного «Варуса».

– Бензиновый, жрет литров пятьдесят в час, – заметил Руденко, глядя вслед этой юдоли удовольствий, уходящей по фарватеру против течения.

– Наш обгонит его, если с двумя пассажирами, – сказал Иван, любуясь «Чоппером», каждая линия которого пришла из его собственных сновидений.

– На нем, конечно, пойдешь?

– Конечно. Хотелось бы опробовать. Но заказчица выбрала «Джинс».

– Заказчица? – удивился Руденко, не поняв шутки.

Да уж, слово живет в их узком кругу своей особенной жизнью.

– Заказчица моей судьбы, возможно, – пробормотал Иван, и компаньон глянул на него с еще большим удивлением.

Ничего не осталось у них от школьной дружбы, от прежних душевных разговоров. Нельзя делать бизнес с друзьями – эту истину ему пришлось испытать на себе.

– Итак, начинаем операцию «Джинс», – сказал Иван.

Руденко пожал плечами и ушел внутрь. Глядя на свой причал и суда, приколотые к нему, Иван думал и о Руденке, и о Делле. Впрочем, он не переставал думать о ней с тех пор, как увидел.

Кажется, ему, наконец, повезло: он встретил девушку своей мечты, ту, с которой сможет разделить всю оставшуюся жизнь. Правда, он еще не знает, захочет ли того же она... Кажалось, что этого хочет сама судьба. Ведь столько обстоятельств сошлось в одной точке: и что у него есть судно, и что угрешки живут именно на берегу реки, и что девушка интересуется историей угрешей...

Иван вдруг подумал, что вся его жизнь была лишь подготовкой к встрече с нею. В детстве сидел на обрыве над Волгой, глядя и слушая, как мимо идут баржи, и думал, что тоже когда-нибудь уплывет по реке в невообразимую даль. Но жизнь распорядилась иначе, постоянно уводя его от берега. Деревню с лица земли смыли. В армию забрали на аэродром, в так называемую «наземную авиацию» – самолетам хвосты

крутить. Именно тогда он полюбил моторы, конструкции, гладкое совпадение механизмов и, глядя на настоящих летчиков, шагающих по взлетной полосе с личными чемоданчиками в руках, полюбил свободу движения вообще. Именно тогда, где-то вдали, на свет появилась маленькая девочка, и нарекли ее Делимелад, в просторечии – Делла.

Иван мечтал о торговом флоте, хотел поступить в мореходку, но даже и не попытался, поскольку страдал близорукостью. С таким зрением его могли взять только в мотористы. Он и об этом подумывал, но тут началась перестройка, неразбериха в стране, он устроился работать в кооператив, затем, когда кооператив умер естественной смертью, основал собственное дело, для которого не требовалось крупных вложений – нужны были лишь воля и рабочие руки. Все эти годы где-то уже совсем близко, росла и хорошела эта странная девочка-поэтесса, За Дождевыми Тучами Следящая, что значило на языке предков ее имя.

Не будь он успешным бизнесменом, не получил бы приглашения на этот вечер. Не будь он именно судостроителем, не смог бы устроить девушке путешествие. Получается, что вся его судьба сложилась так, а не иначе, именно для того, чтобы встретить ее.

Иван усмехнулся собственной мысли. Он построил не одну тысячу маломерных судов. Его лодки служат рыбакам и охотникам по всему бывшему Союзу, «от Амура до Днестра», его катера «перевозят пассажиров по главным водным

артериям страны», его яхты «бороздят просторы мировых океанов»... Все эти пошленькие слова из буклета, сочиненного Руденкой, на самом деле значили очень много, но все, что он сделал, было нужным лишь для того, что встретить ее.

Эта мысль показалась ему как-то даже унижительной. Жил и работал, создал собственную фирму, известную далеко за пределами страны, занимался серьезным делом и вот теперь, оказывается, цель его жизни достигнута. Или он просто-напросто полюбил не ее, а свои собственные надежды...

Что-то здесь не вяжется. Странная догадка вдруг ткнулась Ивану в мозг: а не перепутал ли он причину и следствие? Не специально ли Делла пригласила его на литературный вечер, познакомилась с ним, зная, что он может провести ее по реке?

«Девушка моей мечты»

На сборы и приготовления ушло пять дней. В понедельник утром Иван приехал за Деллой, в район блочных хрущоб, к подъезду бедного штопаного дома. В таких домах последние годы живут лузеры и гастарбайтеры, которым лузеры сдают жилье.

Девушка выбежала, ее лицо сияло. На плече она несла холщовую самодельную сумку с рядами внешних карманчиков. Иван никак не мог собрать в одно целое ее образ: он ускользал от внимания, поскольку соединял множество деталей: девушка вся была чем-то увешена – авторучка, красный блокнотик, вроде какая-то складная лупа... Бахрома куртки переходила в бахрому сумки, и не совсем было ясно, что чему принадлежит. Мохнатый черный водолаз также, казалось, продолжал тему этой длинной бахромы.

– Знакомься, Барабан!

Пес оскалился, будто и впрямь понимал, что его с некоторой даже торжественностью представляют, и ткнулся Ивану в колени, метя хвостом тротуар. Внезапно Иван вспомнил: Барабан! Конечно же: так звали пса из угрешских былин. Этот Барабан постоянно сопровождал Амамутю в его приключениях и всячески помогал ему – то вытаскивая раненого из воды, то скидывая защелку с двери темницы.

– Здравствуй, народный герой! – поприветствовал его

Иван.

Делла странно на него посмотрела, будто бы он сказал или сделал что-то не то.

– Ты ведь назвала его в честь того легендарного пса?

– Это и есть тот самый пес Барабан, – сказала Делла, изобразив страшные глаза.

«Это не сказки», – вспомнил Иван и улыбнулся.

Если она шутит сейчас, значит, шутила и тогда, а то он уже было испугался, подумав, что Делла слегка сдвинутая.

Она была одета, как хипуля, и взяла в дальнейшее путешествие минимум вещей: одна лишь худенькая сумка. Значительную часть этой сумки занимали книги: красный блокнот, куда поэтесса записывала свои стихи, и какой-то томик старинного вида, смысл которого был совершенно не ясен.

– Это-то тебе зачем? – с удивлением спросил Иван, когда Делла показывала ему содержимое сумки.

Он хотел было взять книгу в руки посмотреть, но девушка накрыла ее ладонью.

– Старинная книга. Я с нею не расстаюсь, – сказала она.

Фолиант был завернут в пластиковый пакет, сквозь который было видно, что это такое, а именно: «Грибы северных лесов России» – было написано с ятями и ерами.

– Тебя правда интересуют грибы?

– Я отчаянная, страстная грибница, – соврала Делла, как говорится, не сморгнув глазом.

То, что книга нужна для чего-то другого или то, что под

ее обложкой содержится *нечто* другое, не вызывало у Ивана сомнения.

Ну, ты и врушка, девушка, – подумал Иван. Почему-то и это ему в ней понравилось. То ли оттого, что он действительно уже любил ее, то ли оттого, что некая врушность просто добавляет женщине еще больше тайны. Загадку этой книги он, конечно, раскроет, в буквальном смысле...

Делла зашвырнула сумку на заднее сиденье, где устроился Барабан и, уже не путаясь, как в прошлый раз, а где-то даже привычно накинула ремень безопасности.

Что-то тихо громыхнуло у нее, будто речная галька: довольно массивный браслет из невзрачных плоских камушков отягощал узкую руку. Иван подумал, что такого масштаба украшение может принести вред ее здоровью.

Она была сильно возбуждена от мысли о путешествии и говорила без умолку, то и дело оборачиваясь и тыча пальцами в сумку, которую только сегодня ночью сшила:

– В этом кармашечке у меня... А в этом... Все мои кармашечки строго соответствуют вещичкам.

Вот ведь какая сообразительная девушка, а не взять ли ее, скажем, на должность секретаря? Впрочем, никакого секретаря им не требовалось, поскольку все вопросы Иван и так держал в голове.

Именно такой и должна быть девушка моей мечты, – подумал он, и мысленно стал называть ее нежным словом «девушка», даже иногда так и обращался к ней...

Иван подрулил сразу к причалу, минуя дебаркадер, поставил машину под навесом, рядом с Фордом Руденки. Сама верфь была не видимой для Деллы: просто какая-то глухая железная стена, за которой раздавались неясные технические звуки. Он-то хорошо знал, что означает каждый из них, и будто видел, что происходит внутри. Мысль провести девушку через верфь он отбросил: увидит ребят в рабочей одежде, которые сейчас, под свист и рокот компрессора, красили днище очередного «Чоппера», и еще крепче уверится в том, что Иван эксплуататор и недобитый гад-капиталист.

– Еще раз, – сказал он. – Вот причал. Большой, черный с белым – «Чоппер», маленький, желто-синий – «Джинс». Может, переиграем выбор?

– Но у этого черного нет мачты, и он не парусник. А я хочу плыть под парусом.

– Ну, смотри, – вздохнул Иван. – Под парусом не просто плывут с ветерком, а работают изрядно.

– Я не боюсь работы!

– Значит, буду тебя гонять по палубе, матрос!

– Договорились.

– Хорошо. Тогда и переодеваться не надо. Мы оба уже одеты под «Джинс».

Делла рассмеялась, оценив, как она думала, шутку, Иван же не стал уточнять. В платяном шкафу «Чоппера» и вправду висела морская форма, черная с белым, именно под покрытие катера. Швертбот же предполагал джинсы, которые

и так были надеты на его капитане.

Дверца сторожевой будки распахнулась, и оттуда вышел Гришка. Он охранял не только причал Ивановой верфи, но и все остальные в затоне, но, поскольку его жилище располагалось точно напротив владений Ивана, где всегда былолюдно, все его считали чуть ли не законным членом бригады, да и наличными Иван частенько его баловал.

Завидев Гришку, Барабан немедленно кинулся к нему, да столь страстно поприветствовал, что тот от неожиданности опрокинулся наземь.

– Не знал, что у вашей девушки есть пес, – сказал Гришка, отряхивая задницу, из которой чуть ли не клубилась пыль, и вряд ли именно Барабан был причиной такого состояния его широких рабочих штанов. – Хороший пес. Очень хороший пес, чистый, – двусмысленно добавил он, широко улыбаясь.

Иван достал бумажник и извлек оттуда бумажку... Что-то насторожило его в Гришкиных словах, и он думал об этом, следуя за Деллой, которая легко шагала вдоль причала, болтая своей бахромой.

– Минуточку! – сказал он. – Мне надо поговорить со сторожем.

– Сдачу взять забыли? – пошутила Делла уже ему вслед.

Расколоть Гришку было легко. Ивана будто бы интересовало его мнение о возможности путешествия с собакой: нужно ли привязывать собаку, не сиганет ли она за борт, не уплывет ли к берегу, ищи ее потом и так далее...

– Кстати, – как бы невзначай заметил Иван, – хозяйка никогда не расстается с собакой, даже спит с ней.

– Вовсе нет, – с хитростью в голосе возразил Гришка, что, собственно, и ожидалось. – Прошлый раз она точно была без собаки.

– Да брось, – сказал Иван, имитируя глубокую серьезность. – Ты просто не разглядел собаку в темноте.

– Почему в темноте? Она ж днем приходила.

– Наверное, собака сидела в машине...

– Да не было никакой машины! Пешком она пришла. Ходила тут, рассматривала плавсредства...

– Вспомнил! – весело произнес Иван, подумав, что из него вышел бы неплохой следователь-провокактор. – В четверг ведь собаку весь день в ветклинике держали. Потому и ходила девчонка без собаки.

– Да не в четверг это было.

– А когда же?

– Точно не помню. Где-то с месяц назад.

Вот этого Иван услышать уже никак не ожидал.

– Ты уверен? – он уже не смог притвориться безразличным, поскольку на душе вдруг стало тяжело, горько...

Он затеял весь этот нехитрый допрос, думая, что девушка его мечты была здесь на днях, чтобы тайком осмотреть катер, но она, оказывается, проводила мониторинг еще до их знакомства. Иван вспомнил, как собрался уйти с поэтического вечера, но его остановило то, что Делла начала читать стихи

на языке угреш. Именно увидев, что он собирается уйти. О чем он подумал тогда? Что девушка знает о его происхождении, что пригласила на вечер не просто так, а именно как угреша, и так далее.

Теперь получается, что все гораздо сложнее: Делла интересовалась верфью заранее... Что же конкретно ее интересовало?

Вся эта история вдруг приняла неожиданный, довольно тревожный оборот, сложилась в одно целое, как пазл: недаром он удивился в самый первый вечер, что поэтесса с такой легкостью покинула свою литературную компанию и села в его машину... Наверняка же после выступления планировался какой-то питейный поход, и друзья ожидали ее у выхода из библиотеки.

Иван шел по причалу, глядя на девушку, которая присела на кнехт, что-то выговаривая своему псу. Эти сорок шагов дались ему нелегко. Он должен был принять решение. Отказаться от путешествия сейчас же или чуть позже, все же немного прокатившись с нею по реке? Например, завтра, в Дмитрове, или послезавтра, в Дубне, сослаться на срочные дела, вызвать Руденку с машиной и доставить девушку домой. Катер же оставить в каком-нибудь клубе или на городском причале. С этого момента, правда, пойдет счет за аренду места, и если покупатель отыщется не скоро, то товар будет неуклонно таять...

Обычно приходил молодой человек, чаще всего он поче-

му-то был питерским – из города или Ленинградской области. Дружелюбным тоном предлагал переписать фирму на него, продать ему долю за символическую плату, назначить его гендиректором и тому подобное, что можно счесть за бред сумасшедшего, заявившегося в офис прямо из психушки. Такие истории, похожие на детские страшилки, рассказывали товарищи по несчастью.

Юношу обычно вышвыривают. Вскоре приходят из санэпидемстанции, пожарной инспекции, налоговой и прочее... Каждая из служб выявляет свое, готовит акты: кто о карантине здания, кто о закрытии самой фирмы. Снова появляется молодой человек: у вас неприятности? Я могу все уладить. А вот вашего заместителя подрастает сын, а у вас – молодая красивая жена. Всякое с ними может случиться. Могу обеспечить охрану... И так далее. Рейдерская зараза была прилипчивой и опасной. Зимой ему удалось вывернуться, сделав неожиданный ход, обескуражив молодого человека с питерским акцентом... Неужели явление Деллы – этап какой-то новой атаки? И почему она курит такие дорогие сигареты, называемые сигарильями, если живет в хрущобе и одежду шьет сама? Не иначе как не так давно обломила ей крупная сумма денег... Откуда?

Он подошел, Делла подняла голову. Улыбнулась:

– Это и есть твой шверт... Как его?

– Швертбот, – подсказал Иван. – Но когда он идет под мотором, можно называть его катером.

Причальный трап был положен на палубу «Чоппера», стоящего напротив.

– Хочешь, зацени оба судна, – казал Иван. – Полностью мои проекты, много оригинального и нового.

– Хвастаешь?

– Факт просто. У «Джинса», например, нет рулевой рубки, он управляется из кокпита, как в режиме катера, так и тем более – парусника. Ведь паруса из рубки крутить – это дополнительное оборудование, потому и цена другая. Я и подумал, что рубка ему вообще не нужна.

Он прошел по трапу на «Чоппер» и поманил Деллу к себе. Она поднялась на палубу вместе с Барабаном.

– Что значит цена другая? Я не пойму, вы ж хотите продать подороже.

– Мы на ты, девушка, – напомнил Иван.

– Да я не персональное «вы» говорю с большой буквы, а «вы» – с маленькой, то есть, вы – буржуи.

– Да ты, оказывается, и своего Маркса не читала. «Капитал», часть первая, глава восьмая, страница двести пять. Торговцам выгоднее продавать дешевые товары, дабы увеличивать спрос и расширять рынки сбыта.

Делла округлила глаза:

– Ты что, правда, и страницу помнишь?

– Седьмая строка сверху. Шучу, конечно, это я от фонаря брякнул числа. Но политэкономия капитализма по Марксу строится именно так. Капитал – настольная книга любого со-

временно хозяина, – опять пошутил Иван, но Делла, похоже, восприняла его слова всерьез.

Да у ж, – думал он, ключом отмыкая дверь рубки-каюты, – сказал бы я ей о теории Маркса и ее пользе для работы.

– В «Чоппере» совмещенный санузел, как это называют сухопутные.

Он распахнул дверцу и нажал на педаль. Часть пола плавно приподнялась на пружине, открыв душевую раковину, одновременно загородив углом панели унитаза и образовав над ним полочку для банных принадлежностей.

– Ух ты! И полочку подобрал точно по размерам, – в голосе Деллы впервые прозвучал восторг по отношению к чему-то, связанному с его работой.

– Ничего я не подбирал, – буркнул Иван, насупившись именно от этой мысли, что впервые... – Полочка с выемками для мыла и флаконов, вот этих типовых, что стоят здесь в шкафчике, отливается в моем же цехе из пластика, точно по заданным размерам. Иначе, – он рассмеялся, – пришлось бы подбирать под какую-то заводскую полочку размер галюна, коридора да и всего катера.

Иван показал Делле и другие прелести круизного «Чоппера», делающие его уникальным, единственным в своем роде. Затем они вышли на пирс, и он ловко перекинул трап с «Чоппера» на «Джинс». Барабан, уже поняв, что делать с этими объектами, легко взбежал на новую палубу.

– Швертбот вдвое меньше по длине, – продолжал Иван

тоном экскурсовода, – всего около шести метров. Дело в том, что на стоянках приходится платить фиксированную сумму за судно до шести, а вот свыше – за каждый метр длины.

– Ну-ну, – сказала Делла, осматриваясь. – Определяющий фактор все же деньги.

– Да не мои это деньги! – вскипел Иван. – Платить на российских и европейских причалах будут покупатели.

Делла с удивлением глянула на него. Неужто и впрямь поверила, что Иван заботится лишь об удобствах заказчиков, а не хочет сделать свое произведение более привлекательным, снабдить многими уникальными нюансами?

Он распахнул переднюю дверь каюты, и Делла вошла внутрь, не наклонив головы. Таким малышам всегда комфортно в речных путешествиях.

– Здесь всего одна комната? – удивилась она.

– Каюта, камбуз, кухня то бишь, и даже туалет – все устроено в одном помещении, что делает внутренность судна максимально просторной...

– Как? Гальюн и камбуз в одном?

– Совершенно верно!

Тайной целью этой экскурсии было все же отвлечь Деллу от «Джинса», поскольку швертбот давно стоял в серии, а вот испытать в дальнем походе «Чоппер» еще не довелось, а уж продать его кому-то на Поволжье было бы большой удачей, поскольку он стоил в четыре раза дороже.

– И где же здесь... – Делла замешкалась, озираясь.

Иван продемонстрировал, как выдвигается унитаз, скрытый под рундуком. Он не стал расправлять ширму, отгораживающую его от остальной площади помещения.

– Можно привыкнуть, – произнес он с наигранной бодростью. – Лодочники вообще спят в палатках и готовят на костре. Или, может быть, мне все же переодеться в черную форму?

– Нет, – твердо сказала девушка. – Идем на «Джинсе».

– Ну что ж, – вздохнул Иван. – Тогда я и останусь весь джинсовый. Это форма для катера.

– Прямо-таки весь?

– Весь джинсовый, да. Как Олег Попов был весь клетчатый.

– Понятно. А кто такой Олег Попов?

– Клоун такой был, – сказал Иван. – Он был в клетчатых штанах, клетчатым пиджаке и клетчатой кепке. Весь цирк покатывался со смеху, когда он доставал носовой платок, и тот также оказывался клетчатым. Или снимал ботинок, а там – носки... Может быть, ты теперь спросишь меня, кто такой Ленин?

– Не спрошу, – ответила Делла, с тревожным любопытством опустив взгляд.

– Нет, не джинсовые у меня носки, – сказал Иван, вздернув штанину.

Ему стало грустно, даже защемило в груди. Лет двадцать разницы с этой девушкой. Разные эпохи, разные языки. Ни-

каких крылатых фраз не употреблять. Ни старых комедий, ни всем известных книг. Совсем другое отношение к реальности. Прагматичное поколение. Они знают, чего хотят, а хотят они много и сразу. В любопытстве Деллы к своему будущему плавучему дому была какая-то беспорядочная жадность.

– Эту дверку можно запереть снаружи? – спросила она, указав на аварийный люк.

– Нет, а зачем?

– От воров, например.

– Владелец швертбота легко может сделать это изнутри, прежде чем выйдет через дверь каюты.

И так далее. Не успокоилась, пока не осмотрела и не потрогала каждую деталь. Так и лазила по всему судну, впрочем, не выпуская из руки бутылочку с водой и постоянно прихлебывая из нее.

– Ну, вроде, все показал, теперь можно двигаться, – сказал Иван. – Да, вот еще маленький холодильник, китайская модель, поставь туда свою бутылочку. Да и воды пить в жару много не советую.

Он выбрался в кокпит, вышел на пирс и снова переставил трап к «Чопперу». Отвязал оба троса с кнехтов и прыгнул на палубу «Джинса». Катер, теперь свободный, медленно пошел, разворачиваясь от толчка, и окружающий мир приобрел свое относительное движение, как это будет теперь долго, пока они не сойдут на берег. Иван повернул ключ, и дви-

гатель тихо зарокотал.

Логичнее было бы доставить «Джинс» на трейлере и сбросить прямо в Волгу, а не идти каналом имени Москвы через шесть шлюзов, но Иван прекрасно понимал, что в таком случае впечатление получится не столь ярким для девушки. Путешествие надо начинать с нуля.

Спустя минуту «Джинс» вышел на середину затона, обогнул бакен и лег на фарватер реки. Причал, «Чоппер», будка сторожа и дебаркадер выглядели отсюда на удивление маленькими. Руденко вышел из цеха и встал рядом с Гришкой, оба смотрели вслед уходящему катеру. Все это ползло, уменьшалось, пока и вовсе не скрылось за купами вязов, за поворотом реки.

Можно ли дотронуться до тайны рукой?

В детстве, сидя на обрыве над Волгой, глядя, как мимо идут баржи, Иван думал, что тоже когда-нибудь уплывет по реке. Он очень любил стихотворение Некрасова, знал его наизусть и повторял, как заклинание.

...То, как играющий зверек,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камушки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

Иван искренне завидовал Делле, наблюдая череду ее впечатлений, каждое из которых было первым. Девушка впервые в жизни управляла судном, впервые видела шлюз, впервые ступила на остров. Это был небольшой кустистый островок на Клязьминском водохранилище. Иван вильнул вправо с судоходной линии и воткнул «Джинса» носом в песок. Делла спрыгнула на пляж, побежала, танцуя, разбрызгивая кварцевые радуги. Иван спрыгнул с кормы и поплыл вдоль берега, взмахом гребущей руки приглашая Деллу присоединиться к нему.

Вместе, смеясь и брызгаясь, сделали круг и взобрались на катер с купальной платформы. Искупался и Барабан, безошибочным звериным инстинктом поняв, как пользоваться эти складным приспособлением. Намокнув, пес оказался на удивление худым, способным пролезть в узкую щель, впрочем, непонятно, зачем лазать по щелям водолазу...

Сидя на платформе, Делла болтала ногами, производя такой фонтан брызг, что тяжелый катер чуть было не сошел с пляжной мели.

Девушка была совершенно счастлива. Глядя на дальний берег, продекламировала стихи:

– «...И умудрённый человек почтит невольно чужестранца, как полубога, буйством танца на берегах великих рек...»
Нравится?

– Очень. Ты сочинила?

– Нет, Мандельштам, – она нахмурилась и закусила губу.

Иван понял, о чем она закусила. Он думал о том же. Их непонимание взаимно: Делла не знает классических шуток, общепринятых реалий прошлого, а Иван – стихов.

Двинулись дальше, снова вошли в сталинский канал. Иван вел осторожно, особенно при расхождении со встречными лодками, которых здесь оказалось достаточно много, несмотря на будний день. Иные судоводители были навеселе, не очень беспокоились о сигналах и отмашке. Один глиссирующий «Пегас» чуть не задел катер бортом, волной его швырнуло на стену, Иван врубил резервную мощность и ед-

ва вырулил.

Ближе к вечеру Делла стала часто замолкать, искоса по-смастривая на Ивана. Ее смущение можно было отнести к щекотливой ситуации в связи с первой совместной ночевкой, но кто знает, что у этой девушки на уме?

Он вспомнил свои утренние мысли – о том, что она действует не сама по себе, а является частью какого-то заговора. Вспомнил молодого человека, который приходил на верфь. Тот улыбался, весь такой гладкий, будто только что от визажиста, блестел безукоризненно уложенным чубчиком.

Первый наезд уже произошел: несколько контрольных служб заинтересовались предприятием Ивана. Пожарные планы были на верфи не те и висели не там. На кухне рабочие развели полный бардак и антисанитарию. Парень из Николаева, который ночевал в цехе, считай, жил, попутно исполняя обязанности секьюрити, не имел регистрации в Москве... Молодой человек пришел, чтобы со всем этим разобраться, помочь выкрутиться из трудного положения. Это был второй этап рейдерской операции.

У Ивана в кабинете на стене уже несколько дней висела фотография в рамке: выпускной класс, где красовались молодые лица и Клепикова Ивана, и Руденко Владимира. Был среди этих мальчишек еще кое-кто...

– Вот наш класс, – сказал Иван. – Мой заместитель учился со мной. А еще говорят, что нельзя делать бизнес с друзьями...

– Это мне не очень интересно, – заявил молодой человек, и его твердое «рэ» прозвучало угрожающе.

– Вот эта личность вам не знакома? – Иван щелкнул ногтем по голове Орлова Сергея. – Также мой одноклассник и друг. Кстати, я, пожалуй, ему и позвоню по поводу всех этих внезапных неприятностей. Вам не стоит беспокоиться.

По мере того, как он говорил, лицо юноши менялось. Вряд ли он узнал Серого по фото, скорее, сначала прочитал фамилию и имя, а уж потом и поэтому – узнал. Иван отщелкнул крышку телефона, будто и вправду собрался немедленно звонить.

– Подождите, – сказал молодой человек. – Возможно, произошло недоразумение.

– Вот как? – Иван закрыл телефон. – А по поводу охраны для дочери моего компаньона Руденки, которую вы хотели к ней приставить...

– Вряд ли ей что-либо угрожает. Поэтому охрана и не нужна, – юноша говорил по-питерски, употребляя остатки «ятей» в словах и сильно акцентируя звук «ч».

Подобно парню из Николаева, он был гастарбайтером в столице с небольшим стажем, еще не полностью овладев ее языком, как и сам Иван когда-то. Оканье и чтоканье... Ивану уже достаточно надоела эта комедия.

– Тогда ваши услуги нам вовсе не требуются, – ласково сказал он, еле сдерживая себя, чтобы не шлепнуть печать на эту ладную рожу.

Когда юноша исчез, в комнату вошел Руденко, покачивая головой. Все это время он был за дверью, в душевой кабине.

– Невероятно, но это сработало, – сказал он. – Надо бы послать Сереге анонимный букет гвоздик.

Ход был парадоксален еще и потому, что они не знали ни телефона, ни адреса Сергея Олова по кличке Серый, своего одноклассника, который был одним из крупных бандитов, уцелевших в гражданской войне, ныне известным бизнесменом и политиком, да и никогда с ним особо не дружили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.